

Авакова Элина Борисовна, Гончаренко Лев Николаевич

ВЕЛИКИЕ ПОТРЯСЕНИЯ 1917 Г. В РОССИИ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И НОВЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕАЛИИ

Целью данной работы является рассмотрение последствий событий, происходивших в 1917 г. внутри России, которые повлияли на внешнюю политику российского государства, а также определили отношения с Россией стран Четверного союза и союзников по Антанте с точки зрения приоритета государственных интересов России. Научная новизна исследования заключается в том, что на основе анализа содержания законодательных актов, секретных документов Министерства иностранных дел, а также ряда мирных договоров и соглашений, заключенных на межгосударственном уровне представителями Советской России, выявляются предпосылки военной интервенции в России, обстоятельства исключения ее из числа стран-победителей в Первой мировой войне, а также предпосылки Гражданской войны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-2/1.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 2. С. 13-19. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94

Исторические науки и археология

Целью данной работы является рассмотрение последствий событий, происходивших в 1917 г. внутри России, которые повлияли на внешнюю политику российского государства, а также определили отношения с Россией стран Четверного союза и союзников по Антанте с точки зрения приоритета государственных интересов России. Научная новизна исследования заключается в том, что на основе анализа содержания законодательных актов, секретных документов Министерства иностранных дел, а также ряда мирных договоров и соглашений, заключенных на межгосударственном уровне представителями Советской России, выявляются предпосылки военной интервенции в России, обстоятельства исключения ее из числа стран-победителей в Первой мировой войне, а также предпосылки Гражданской войны.

Ключевые слова и фразы: Россия; 1917 год; Первая мировая война; революция; внешняя политика; международные отношения; внутривластная ситуация; государственные интересы.

Авакова Элина Борисовна, к. соц. н.

Гончаренко Лев Николаевич, д.и.н., профессор

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

elina_avakova@mail.ru; lngksp@rambler.ru

**ВЕЛИКИЕ ПОТЯСАНИЯ 1917 Г. В РОССИИ:
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И НОВЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕАЛИИ**

Начало XX века вошло в мировую историю как эпоха великих потрясений. Кульминацией этого периода стала Первая мировая война, в которую оказались втянутыми абсолютное большинство стран Европы, в том числе и Россия. Особенно драматично для России сложился 1917 год. За один этот год трижды менялось название страны, она пережила две революции, смены политических систем и правящих элит. Только за восемь месяцев после отречения от престола императора Николая II, то есть с начала марта по октябрь 1917 г., в стране сменилось четыре состава Временного правительства, не считая Директории. Правительство большевиков было уже пятым по счету. И все это происходило на фоне Великой войны, которая требовала максимальной организованности и мобилизации всех ресурсов страны для достижения победы над врагом. Свообразным итогом 1917 г. стало вступление России в длительный период внутривластной нестабильности, проявлением которой стала начавшаяся Гражданская война.

Происходившие в 1917 г. внутри России события безусловно имели всемирно-историческое значение. Они оказывали огромное воздействие и на внешнюю политику российского государства, предопределяли отношение к России как воюющей с ней стран Четверного союза, так и союзников по Антанте. Истории этих отношений в 1917 г. и в годы Первой мировой войны в целом посвящена обширная литература [8; 12; 16; 17; 26; 28-31]. Объем нашей работы не позволяет проанализировать особенности освещения данного вопроса на разных этапах развития отечественной и зарубежной историографии за последние 100 лет. Отметим лишь разность методологических подходов и ценностных принципов при изучении данной проблемы. Цель нашего исследования – рассмотреть эту проблему с точки зрения приоритета государственных интересов России. В год 100-летия Великой русской революции правомерно поставить вопрос о цене «великих потрясений» для международного статуса России и ее внешнеполитических позиций в мировом сообществе государств того времени.

Следует признать, что последний полный год существования Российской империи был отмечен большими военными успехами. В 1916 г. в результате Брусиловского наступления (Луцкий прорыв) произошел коренной перелом в Великой войне. За время наступления, по данным, который приводил академик Е. В. Тарле, было взято в плен 7757 офицеров и 350845 солдат, имеются и другие еще более значительные данные [21]. Русские войска заняли Буковину и Восточную Галицию. Только срочная переброска германских подкреплений спасла Австро-Венгрию от полного разгрома. Однако было уже ясно, что эта страна как главный союзник кайзеровской Германии оказалась на грани поражения, ее капитуляция была лишь вопросом времени. От этого удара центральные державы уже никогда не оправались [Там же, с. 341]. Италия была спасена от поражения, существенно облегчено положение Франции в сражениях при крепости Верден и на Сомме.

Выдающиеся успехи были достигнуты русской армией на Кавказском фронте. В результате Трапезундской операции были освобождены территории Османской империи, населенные в значительной части армянами и греками, с восторгом встречавшими русские войска как освободителей от турецкого господства. И просматривается в этом не «империалистическая политика царского правительства», а исторический, но, к сожалению, упущенный шанс угнетенных народов Османской империи воссоединиться со своими братьями-единоверцами. Поистине судьбоносными эти победы должны были стать для судеб армянского и греческого народов.

Не менее впечатляющими были и дипломатические достижения России. Еще 12 марта 1915 г. Великобритания официальной секретной нотой вынуждена была взять на себя обязательства, что в случае победы Антанты и удовлетворения ее территориальных претензий и претензий союзной Франции в отношении владений Османской империи она готова отдать России город Константинополь с небольшим хинтерландом, включающим западное побережье Босфора, Мраморного моря, Галлиполийского полуострова и южную Фракию по линии Энос – Мидия. Далее Россия должна была получить и восточное побережье Босфора до Исмидакского залива, острова Мраморного моря и острова Имброс и Тенедос. 10 апреля 1915 г. на эти обязательства

дала свое согласие и Франция [9, с. 281]. Весной 1916 г. в Лондоне в форме обмена нотами (9-16 мая) между французским послом П. Камбоном и английским министром иностранных дел Э. Греем было заключено еще одно секретное соглашение, получившее название по имени его разработчиков – британского дипломата М. Сайкса и французского дипломата Ф. Ж. Пико, – о разделе азиатских владений Османской империи [5; 6, с. 7; 20, с. 463]. В нем детально прописывались территориальные приобретения и сферы влияния Великобритании, Франции и Российской империи. Как отмечалось в секретной справке Министерства иностранных дел России от 21 февраля 1917 г., она должна была получить области «Эрзерумскую, Трапезундскую, Ванскую и Битлисескую, а равно и территорию Южного Курдистана по линии Муш – Ибн Омар – Амалия – персидская граница. Конечной точкой русских приобретений на Черноморском побережье явился бы подлежащий определению в будущем пункт на западе от Трапезунда». И далее: «В целях обеспечения религиозных интересов союзных держав, Палестина со святыми местами выделяется из состава турецкой территории и будет подчинена особому режиму по соглашению России, Франции и Англии» [19, с. 56-57]. Все это – сверх того, что было предусмотрено предыдущими соглашениями. Имелась карта территорий, отходящих к странам Антанты. Таким образом, Россия закрепляла свое присутствие не только на южном побережье Черного моря и в черноморских проливах, но и на западном побережье Средиземного моря, что имело важное геополитическое значение. Столь значительные уступки России были обусловлены, во-первых, заинтересованностью стран Антанты в продолжении участия России в войне и предотвращении каких-либо сепаратных соглашений ее с государствами Четверного союза, а во-вторых, в лояльном отношении России к разделу между Великобританией и Францией большей части азиатских владений Османской империи.

Все эти соглашения относились к категории секретных, что вполне естественно в практике международных дипломатических контактов, что тем более было оправдано в условиях шедшей в то время Первой мировой войны. Такая практика имела место и впоследствии, в том числе и в ходе взаимодействия уже Советского правительства с союзниками по антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны.

К концу 1916 – началу 1917 г. Россия была как никогда близка к созданию союза «родственных по духу и крови народов», получив в «Царьграде естественный центр своего нравственного и материального единства», о чем, как писал в своей работе «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский [3, с. 389], мечтали российские геополитики, многие российские патриоты, тяготевшие к славянофилам и другим направлениям российской консервативной мысли. Готовы ли были Англия и Франция выполнить взятые на себя обязательства: передать России Константинополь, черноморские проливы и ряд турецких владений? Ряд исследователей дают на этот вопрос отрицательный ответ. Что касается истории, то она оставила данный вопрос без ответа. Несомненно, что сделанные обещания становились и большой головной болью для правящих кругов российских союзников по Антанте, болью, усиливающейся по мере приближения их победы в войне. Россия, действительно, в начале 1917 г. была как никогда близка к реализации своих давних внешнеполитических амбиций, которые неоднократно пыталась осуществить еще в ходе многочисленных русско-турецких войн XVIII-XIX веков. Гарантированный выход России в Средиземное море создавал новую геополитическую ситуацию не только на Балканах, но и во всей Южной Европе, Северной Африке и на Ближнем Востоке. Этого страны Антанты допустить не хотели, что делало выгодным для них дестабилизацию внутривосточной ситуации в России и устранение ее как союзника при подведении итогов Великой войны.

В начале 1917 г. между французским и русским правительствами было заключено еще одно соглашение об условиях будущего мира. Оно имело форму обмена нот. Русский министр иностранных дел выражал готовность поддержать Францию в отношении территориального устройства ее границ с Германией и германских земель на левом берегу Рейна в том виде, как это желала Франция. В обмен французское правительство в ответной ноте подтверждало соглашение о Константинополе и проливах и признавало свободу России в определении своих западных границ. Это означало, в частности, что Россия могла решать судьбу Польши по своему усмотрению. Еще 5 ноября 1916 г. Германия и Австро-Венгрия издали манифест о создании независимой Польши под германским протекторатом на западных территориях, захваченных у России. Русское правительство объявило, что считает декларацию недействительной, и подтвердило свое решение от 1 августа 1914 г. «образовать целокупную Польшу из всех польских земель» под скипетром русского царя. 12 декабря 1916 г. Николай II в рождественском приказе по армии и флоту заявил, что одной из целей войны является объединение **всех** (выделено нами. – Э. А., Л. Г.) польских земель под скипетром Романовых и предоставление Польше широкой автономии, подобной той, которая была дарована Александром I Царству Польскому в 1815 г. Польше было обещано не только создание собственных законодательных органов законодательной и исполнительной власти, но и национальной армии [1, с. 18]. В случае реализации этих планов поляки не только обретали утраченное в конце XVIII в. национальное единство, но и получали государственность в составе Российской империи, которая никем не могла бы быть использована против России.

Февральская революция и последовавшие за ней события не могли не сказаться на внешнеполитическом положении России. Возникшее в стране двоевластие, пацифистские заявления руководителей Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, и, тем более, антивоенная позиция В. И. Ленина, прибывшего 3 апреля в Россию, вызывали опасения в руководстве стран Антанты в возможности России продолжать войну. И хотя позиция министра иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюкова, заявлявшего о «продолжении войны до победного конца», с удовлетворением воспринималась в Париже и Лондоне, обострение внутривосточной ситуации в стране и начавшийся развал русской армии не вызывали оптимизма у союзников России.

Сразу же после Февральской революции 1917 г. начался процесс децентрализации единого российского государства. В марте 1917 г. в Киеве по образцу Петроградского совета возникла так называемая Центральная Рада, деятели которой сразу же поставили вопрос об автономии Украины в составе федеративной России, а наиболее

радикальные деятели этого органа выступали и за полную независимость украинского государства. Германия и особенно Австро-Венгрия уже давно подогревали такие настроения у части украинской интеллигенции.

Также в марте 1917 г. началось и обсуждение польского вопроса. При этом Петросовет и Временное правительство вступили в своеобразное «соревнование» в степени демократичности по данному вопросу. Целостность российского государства перестала являться абсолютной ценностью, и этот вопрос стал разменной картой в борьбе за власть между различными политическими силами в России. Петросовет в обращении к «Народу польскому» от 14 марта заявлял: «...демократическая Россия стоит на почве признания национально-политического самоопределения народов и провозглашает, что Польша имеет право быть совершенно независимой в государственно-международном отношении». Временное правительство в своем воззвании «Поляки» от 16 марта также признавало за польским народом «собственной волей определять свою судьбу», оставляя, правда, окончательное решение данного вопроса за предстоящим Учредительным собранием [Там же, с. 19-20]. Так начинался процесс расчленения страны по этническому принципу. Был подан пример другим национал-сепаратистским силам, имевшим свои планы выхода их состава единого полиэтнического российского государства. Справедливости ради следует отметить, что после Февральской революции ни один народ, за исключением поляков и, пожалуй, в какой-то степени финнов, не объявлял о стремлении к отделению от России, ограничиваясь возможностями автономии в рамках федеративного российского государства.

В условиях растущей внутривосточной нестабильности и необходимости продолжения участия России в Великой войне Временное правительство попыталось в большей степени опереться на США, надеясь обрести в этом государстве прочного союзника, искренне заинтересованного в стабилизации ситуации в России. Тем более что посол Соединенных Штатов в Петрограде Д. Р. Фрэнсис демонстрировал симпатии к Российской революции, выражая «живейшую радость по поводу перемены строя в России» [7, с. 153, 155, 156]. Такая позиция американского дипломата, помимо прочего, имела к тому времени и солидную экономическую основу. В годы войны, в связи с прекращением торговли России с Германией и ее союзниками, произошло укрепление экономических связей с США. Россия превратилась в крупный рынок сбыта для американских товаров, в том числе и военного назначения. Сразу же после революции эти связи получили дальнейшее развитие. В марте 1917 г. в Россию была направлена комиссия во главе с американским инженером-строителем Дж. Ф. Стивенсом для изучения вопроса об увеличении пропускной способности российских железных дорог и оказания России необходимой помощи в этом вопросе. Рассматривался вопрос об объединении железных дорог американского севера с российскими в единую сеть от Сизтла до Владивостока с последующим выходом на железные дороги европейской России. Уже в мае Временному правительству был предоставлен первый американский заем на 100 млн долларов. В июне 1917 г. в Россию прибыла специальная американская миссия во главе с сенатором Э. Руттом для изучения способов оказания помощи Временному правительству. Обращает на себя внимание представительный состав миссии. Кроме Э. Рута в нее входили: вице-президент американской федерации труда Дж. Дункан, социалист Ч. Рассел, генерал Х. Скотт, адмирал Дж. Гленнон, банкир С. Бертрон, бизнесмены С. Маккормик и Ч. Крейн, деятель Юношеской христианской ассоциации (ИМКА) Джон Мотт. Отметим, кстати, что бизнесмен Чарльз Крейн – человек близкий к администрации президента США В. Вильсона – отправился в Россию еще 27 марта 1917 г. На одном пароходе с ним плыл и будущий председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, один из главных руководителей Октябрьского переворота – Л. Д. Бронштейн (Троцкий). Ч. Крейн стал в России личным представителем американского президента. Всего к октябрю 1917 г. общая сумма американских займов, предоставленных России, составила уже 325 млн долларов [Там же]. Таким образом, Россия превратилась в сферу важных интересов американского промышленного и финансового капитала.

В октябре – начале ноября (по новому стилю) 1917 г. между Англией, США и Францией активно обсуждался вопрос о разграничении их деятельности в деле оказания «помощи» России. США брали на себя реорганизацию русских железных дорог, Англия – морской транспорт, Франция – армию. Затем этот расклад был несколько видоизменен: помощь Мурманской железной дороге отходила Англии, а западным и юго-западным – к Франции [9, с. 302]. Фактически это означало, что союзники по Антанте уже не рассматривали Россию в качестве суверенной державы и приступили к ее разделу на сферы влияния, как это они делали, например, по отношению к Китаю.

Захват власти большевиками круто изменил внешнюю политику и внешнеполитическое положение России. Советская историография рассматривала события октября 1917 г. в Петрограде как безусловно легитимные и исторически закономерные. С точки зрения радикального марксизма революции обладают высшей легитимностью как проявление воли народа, а их осуществление объясняется действием неких объективных исторических законов. Как было принято писать в партийных документах и сочинениях советских историков, «Октябрьская революция – триумф идей марксизма-ленинизма» [10, с. 558-568]. Между тем имеют место и другие точки зрения. Несомненно также, что Октябрьский переворот поставил страну в весьма неопределенное международно-правовое положение. Глава Временного правительства, созданного депутатами Государственной думы и которое должно было управлять страной до созыва Учредительного собрания, оказался в бегах, а его члены были арестованы и отправлены в казематы Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. В Тобольске находились отрекшийся от престола Николай II и его семья. Его отречение носило не добровольный характер, а произошло под очевидным давлением членов Государственной Думы и части высшего генералитета. В Гатчине проживал Михаил Александрович Романов – брат последнего российского императора, в пользу которого произошло отречение, ожидавший решения того же Учредительного собрания о форме правления в России. Пресловутый «союз рабочего класса и крестьянства», о котором постоянно говорили лидеры большевиков, имел вполне определенный марксистский смысл, недоступный в то время

абсолютному большинству рабочих и крестьян. В этой ситуации легитимность Советской власти, утвердившейся в результате насильственного свержения Временного правительства партией большевиков, вызвала и вызывает сегодня большие сомнения. Большинство авторитетных политиков того времени, как российских, так и зарубежных, полагали, что большевики не смогут долго удерживать власть, об этом же писали газеты всех политических направлений, продолжавшие выходить в России в первые дни после Октябрьского переворота [15, с. 262-266]. Как в этой ситуации вести себя по отношению к России? Этот вопрос представлял собой весьма нелегкую задачу для руководства стран Антанты. Что касается Центральных держав и в первую очередь Германии, то они, находясь в состоянии войны с Россией, с самого ее начала активно поддерживали сепаратистов Польши, Украины, Литвы, Латвии и Эстонии, способствуя распаду Российской империи. Приход к власти большевиков лишь придавал этой политике новый импульс.

Еще больше запутывал ситуацию «Декрет о мире», принятый II Всероссийским съездом советов. Содержание этого документа достаточно хорошо известно и не требует специального рассмотрения. Отметим только, что Антанта к концу 1917 г. уверенно шла к своей победе в Первой мировой войне. Особенно это стало очевидно после вступления в войну США. Призыв новой власти в России к заключению мира «без аннексий (т.е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций» [4, с. 12], был неприемлем для Антанты. Реализация этого призыва сводила на нет все одержанные в войне победы и вела к восстановлению статуса Германии как главного конкурента в борьбе за мировое господство. На такой мир готовы была идти лишь терпящие поражение Центральные державы. Что касается большевиков, то они возлагали надежду на скорое начало мировой пролетарской революции. Они стремились лишь выиграть время и подтолкнуть мировую революцию. В этой ситуации 22 ноября 1917 г. посол Великобритании в России Бьюкенен созвал в Петрограде совещание, на котором присутствовали послы и посланники разных стран, в том числе американский посол Д. Р. Фрэнсис, французский посол Ж. Нуланс и др. На совещании было решено не признавать Советское правительство и не отвечать на его мирные предложения [2, с. 20]. При этом страны Антанты до определенного момента не шли и на полный разрыв отношений с Россией, возложив контакты с правительством большевиков в Петрограде, а затем и в Москве на своих политических агентов. Таким агентом от Великобритании являлся, например, профессиональный разведчик Брюс Роберт Локкарт [Там же, с. 22, 52-54], ставший впоследствии одним из главных организаторов печально знаменитого «Заговора послов». Но этот заговор вступил в решающую стадию потом, когда большевики заключили сепаратный мир с Германией, в первые месяцы после Октябрьского переворота обе стороны – и Антанта и правительство большевиков – стремились извлечь взаимную пользу из своих контактов. Неслучайно нарком по иностранным делам Л. Д. Троцкий 17 февраля 1918 г. предоставил Б. Р. Локкарту и его агентам своего рода «охранную грамоту», гласящую: «Прошу все организации, советы и комиссаров вокзалов оказывать всяческое содействие членам английской миссии госп. Б. Р. Локкарту, В. Л. Гиксу и Д. Гарстону» [Там же, с. 54].

События развивались стремительно. Придя к власти, большевики без промедления, с 10 (23) ноября 1917 г. начали публиковать в газетах «Правда» и «Известия ЦИК» документы, раскрывающие секретные договоренности со странами Антанты о подведении итогов Великой войны, отказываясь, таким образом, от каких-либо территориальных приобретений. К тому же они призывали и другие воюющие страны. С декабря 1917 г. по февраль 1918 г. Народный комиссариат иностранных дел, во главе которого в тот период стоял Л. Д. Бронштейн (Троцкий), издавал специальный «Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел». В заявлении от редакции говорилось, что издание документов имеет целью «ознакомление широких масс с содержанием документов, хранившихся в бронированных комнатах и несгораемых шкафах Министерства иностранных дел как одного из филиальных отделений буржуазии всех стран» [18, с. 1]. Всего было опубликовано свыше 100 ранее секретных договоров и других важнейших документов [6, с. 445]. Эти публикации были с большим удовлетворением восприняты в США, неслучайно многие из этих документов сразу же перепечатала газета «Нью-Йорк таймс». «Не будет никаких тайных международных соглашений» – такие слова содержались в первом пункте знаменитых «Четырнадцать пунктов» президента США Вудро Вильсона, представленных Конгрессу в речи от 8 января 1918 г. [24; 25; 27]. Большевики в свою очередь сделали все для того, чтобы максимально распространить эту речь американского президента. Она была отпечатана в количестве полмиллиона экземпляров в немецком переводе для распространения среди немецких военнослужащих. Автор книги «Жизнь Ленина» Л. Фишер пишет: «Тысячи плакатов с русским переводом были вывешены на улицах Петрограда и других городов. Речь Вильсона передавалась по советскому радио. С помощью большевиков Христианская Ассоциация Молодых Людей распространяла миллионы экземпляров на русских позициях и еще один, в немецком переводе, на германском Восточном фронте. Полный текст речи В. Вильсона появился во всех советских газетах» [23, с. 268]. И большевики, и американский президент прекрасно понимали, что секретные договоренности в дипломатии, особенно в годы войны, – это обычная практика взаимоотношений между государствами и без них обойтись невозможно. Заключались они и впоследствии в том числе и США, и Советским государством. Но тогда, на завершающем этапе Первой мировой войны, планировавшийся большевистским правительством выход России из войны хотя и ослаблял Антанту, однако создавал для союзников возможность не выполнять взятые перед Россией обязательства по территориальным вопросам. Тем более это было выгодно американцам. После окончания Мировой войны Соединенные Штаты Америки должны были стать новым мировым арбитром, заняв место Великобритании. И никто, в том числе Россия, не должен был этому помешать. Глобалистские устремления Америки, отчетливо обозначенные В. Вильсоном в «Четырнадцать пунктах», должны были опираться не на «тайные международные соглашения», а на возросшую за годы Первой мировой войны экономическую и военную мощь США.

8 ноября 1917 г. комиссар по военным делам Н. В. Крыленко дал указание о поддержке братания на всех фронтах; 13 ноября Л. Д. Троцкий обратился к германскому Верховному командованию с предложением немедленно заключить перемирие, 2 декабря соглашение о перемирии было подписано, 9 ноября открылось первое пленарное заседание мирной конференции в Брест-Литовске [22, с. 79, 82, 101, 120]. Трудно даже представить, какие последствия имели бы официальные сепаратные переговоры с противником в целях заключения сепаратного мира в годы Второй мировой войны. Тем не менее в годы Первой мировой войны они стали фактом. Возникла совершенно новая ситуация в международных отношениях. Предложенный большевиками мир означал, что Россия отказывается от всех своих преференций в случае завершения войны. Это было выгодно как Германии, так, фактически, и странам Антанты. Ведь факт начала переговоров о заключении сепаратного мира с Германией освобождал последних от всех обязательств перед Россией при подведении итогов Великой войны. Более того, начало переговоров с Германией давало возможность странам Антанты не только обвинить новую российскую власть в нарушении союзных обязательств, но и создавало основание рассматривать Россию как нового противника, а значит перейти к политике расчленения единого российского государства, его уничтожения как геополитического соперника. Этому способствовали и центробежные тенденции, набиравшие силу в России – от Украины и Прибалтики до Закавказья. Верно подмечено, что «после переворота стремление к обособлению от России стало способом спасения от власти большевиков» [11, с. 503].

12 декабря 1917 г. Генеральный штаб Великобритании предоставил своему правительству подробную справку, где уже назывались «страны» – бывшие части Российской империи, способные «оказать сопротивление большевистскому правлению». В числе таких «стран» были названы Финляндия, Латвия, Литва, Эстония, Польша, Украина, Армения, Грузия, территория казаков Дона, Кубани, Терека, Астрахани, Оренбурга, Урала, Сибири [2, с. 27]. Аналогичный план был разработан и Государственным департаментом США. А 24 декабря 1917 г. Англия и Франция опубликовали заявление, в котором обещали оказать военную помощь всем антибольшевистским силам в России [Там же, с. 29]. Это означало практическую подготовку к вводу войск Антанты в Россию. Парадокс заключался в том, что аналогичную по сути политику проводили и страны Четверного союза во главе с Германией. Разница заключалась лишь в том, что данная политика реализовывалась этими странами на переговорах в Брест-Литовске. Таковы были самые ближайшие последствия Октябрьского переворота. Между тем В. И. Ленин и его сторонники, инициируя принятие «Декрета о мире», не сомневались в скором начале победоносной мировой пролетарской революции. Такие мелочи, как государственные границы и территории, их мало интересовали, однако, как показали дальнейшие события, они сильно заблуждались.

Есть сведения, что до завершения переговоров в Брест-Литовске представители Антанты в Петрограде «предлагали большевикам сохранить власть, приняв военную помощь Запада» [23, с. 269]. В эти переговоры в той или иной мере были вовлечены со стороны большевиков В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий, а со стороны Антанты – представитель Американского Красного Креста Р. Робинс, сотрудник французской военной миссии в России Ж. Садуль, бывший генеральный консул Великобритании в Москве Р. Х. Брюс Локкарт. Однако В. И. Ленин, как известно, принял иное решение [Там же, с. 248-270].

3 марта 1918 г. в Брест-Литовске представителями Советской России с одной стороны и представителями стран Четверного союза (Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Османской империи) – с другой был подписан сепаратный мирный договор. Этому договору предшествовало аналогичное соглашение Центральных держав с Украинской Народной Республикой, подписанное 9 февраля 1918 г. Сам факт подписания договора с УНР означал, что данное государство признавалось на государственно-правовом уровне в качестве полноправного субъекта международного права, образованного за счет территории России и без какого-либо ее согласия. Договор от 3 марта продолжал эту практику. От России отторгались территории Польши, Литвы, часть Белоруссии и Лифляндии. В Лифляндию и Эстляндию вводились германские войска. Германии также передавались большая часть Рижского залива и Моодзунские острова. Советские войска должны были покинуть Украину, Финляндию, Аландские острова, а также округа Ардаган, Карс и Батум, которые передавались Турции. Всего Советская Россия теряла около 1 млн кв. км территории. Договор обязывал Россию провести полную демобилизацию армии и флота, а также признать мирный договор украинской Центральной Рады с Германией и ее союзниками. Таким образом были сведены на нет все победы России в Великой войне и осуществлен территориальный раздел российского государства. Россия оказывалась отброшенной, как и в настоящее время, на рубежи начала XVII в. Парадокс заключался в том, что, обратившись к воюющим странам с предложением заключить мир «без аннексий и контрибуций», большевики буквально через несколько месяцев вынуждены были признать и аннексии по отношению к себе со стороны стран Четверного союза и начать выплачивать этим странам контрибуции. Мир «без аннексий и контрибуций» превратился в мир с аннексиями, и с контрибуциями за счет России. В мирном договоре от 3 марта 1918 г. «между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой» в статье IV предписывалось, что «Россия сделает все от нее зависящее, чтобы обеспечить скорейшее очищение провинций Восточной Анатолии и их упорядоченное возвращение Турции. Округа Ардагана, Карса и Батума также немедленно очищаются от русских войск» [22, с. 364-369]. Статья VI гласила: «Россия обязывается немедленно заключить мир с Украинской Народной Республикой», и далее: «Эстляндия и Лифляндия также незамедлительно очищаются от русских войск и русской Красной гвардии... Эстляндия и Лифляндия будут заняты германской полицейской властью до тех пор, пока общественная безопасность не будет там обеспечена собственными учреждениями страны и пока не будет там установлен государственный порядок... Финляндия и Аландские острова также будут немедленно очищены от русских войск и русской Красной гвардии, а финские порты – от русского флота и русских военно-морских сил» [Там же]. В добавочном русско-германском договоре от 27 августа 1918 г. особо оговаривалось: «Считаясь с фактическим положением в Эстляндии и Лифляндии, Россия

отстает от верховной власти над этими областями, равно как и от всякого вмешательства в их внутренние дела». И далее: «Германия признает Грузию самостоятельным государственным организмом» [Там же]. Фактически все это означало, что был заключен не просто мирный договор, а зафиксирован на межгосударственном правовом уровне раздел России. Обычно утверждается, что после революции в Германии, последовавшей в ноябре 1918 г., Брестский мир был аннулирован. В правовом отношении – да, а фактически – нет. Состоялся раздел российского государства. Территории, потерянные Россией по этому миру, как показали дальнейшие события, были безвозвратно утрачены. Часть из них были возвращены накануне Великой Отечественной войны, но, как оказалось, только на время. Брестский мир означал потерю Россией статуса Великой мировой державы, который был вновь обретен ею лишь после уничтожения И. В. Сталиным так называемых «интернационал-большевиков» в ВКП(б) и победы СССР в Великой Отечественной и Второй мировой войне.

Будучи последовательным интернационалистом, своеобразным коммунистом-глобалистом своего времени, выстраивавшим свое видение мира на основе марксистской догматики, В. И. Ульянов (Ленин) заявлял в мае 1918 г., что «интересы социализма, интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства» [13, с. 341-342]. Или вот такой «замечательный» пассаж В. И. Ленина: «Если ты социалист, так ты должен все свои патриотические чувства принести в жертву во имя международной революции, которая придет, которой еще нет, но в которую ты должен верить (выделено нами. – Э. А., Л. Г.), если ты интернационалист» [14, с. 213].

Безусловная вера в грядущую революцию рассматривалась как главный аргумент внутренней и внешней политики большевистского государства. Эту позицию занимали Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Н. И. Бухарин и многие другие видные большевики в руководстве Советской России, возлагавшие надежды на скорую и неизбежную мировую революцию, которая обеспечит победу социализма в мировом масштабе.

Таким образом, приведенный материал позволяет сформулировать следующие выводы: был совершен неслыханный акт национального предательства и унижения, который свел на нет все внешнеполитические приобретения России на Западе и в Закавказье с начала XVIII века. Демобилизация армии и флота, «включая и войсковые части, вновь сформированные теперешним правительством» [22, с. 364-369], по условиям Брестского договора лишала Россию важнейшего компонента суверенной государственности. В ходе реализации Брестского договора на бывших территориях Российской империи ускорилось формирование этнократических государств, по самой своей сути враждебных многонациональной России. Одновременно заключение сепаратного договора с государствами Четверного союза дало странам Антанты повод начать военную интервенцию в России, привело к исключению ее из числа стран-победителей в Первой мировой войне, стало одной из главных причин братоубийственной Гражданской войны.

Список источников

1. **Белые пятна – черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях** / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. М.: Аспект Пресс, 2010. 823 с.
2. **Волков Ф. Д.** Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М.: Мысль, 1980. 462 с.
3. **Данилевский Н. Я.** Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому. М.: Книга, 1991. 576 с.
4. **Декреты Советской власти:** в 18-ти т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. Т. 1. 626 с.
5. **Дипломатический словарь:** в 2-х т. / гл. ред. А. Я. Вышинский, С. А. Лозовский. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. Т. 2. 996 с.
6. **Дипломатический словарь:** в 3-х т. / гл. ред. А. А. Громько и др. М.: Наука, 1986. Т. 3. 749 с.
7. **Иванян Э. А.** История США. М.: Дрофа, 2004. 576 с.
8. **Игнатьев А. В.** Последний царь и внешняя политика: Николай II // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 3-24.
9. **История дипломатии:** в 3-х т. / ред. В. П. Потемкин. М. – Л.: Гос. изд-во полит. лит., 1945. Т. 2. Дипломатия в новое время (1872-1919 гг.). 424 с.
10. **История Коммунистической партии Советского Союза:** в 5-ти т. / ред. П. Н. Поспелов, Е. И. Бугаев, Л. Ф. Ильичев и др. М.: Политиздат, 1967. Т. 3. Коммунистическая партия – организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции и обороны Советской республики. Март 1917 – 1920 г. Книга первая (Март 1917 – март 1918 г.). 607 с.
11. **История России. XX век: 1894-1939** / ред. А. Б. Зубов. М.: Астрель; АСТ, 2009. 1023 с.
12. **Козенко Б. А.** Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3-27.
13. **Ленин В. И.** Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского совета 14 мая 1918 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М.: Политиздат, 1969. Т. 36. С. 327-345.
14. **Ленин В. И.** Собрание партийных работников Москвы 27 января 1918 г. Доклад об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М.: Политиздат, 1969. Т. 37. С. 207-224.
15. **Мельгунов С. П.** Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. М.: Айрис-пресс, 2014. 640 с.
16. **Нотович Ф. И.** Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. М. – Л.: Соцэкгиз, 1937. 455 с.
17. **Первая мировая война и международные отношения** / под ред. К. К. Худолея. СПб.: КН, 1995. 608 с.
18. **Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел** / отв. ред. Н. Маркин. Прага: Тип. Комиссариата по иностранным делам, 1917. № 1. 32 с.
19. **Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел** / отв. ред. Н. Маркин. Прага: Тип. Комиссариата по иностранным делам, 1917. № 2. 80 с.
20. **Советская историческая энциклопедия:** в 16-ти т. / под ред. Е. М. Жукова. М.: Советская энциклопедия, 1969. Т. 12. Репарации – Славяне. 976 с.
21. **Тарле Е. В.** Европа в эпоху империализма 1871-1919 гг. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 430 с.
22. **Уилер-Беннет Дж.** Брестский мир. Победы и поражения советской дипломатии. М.: Центрполиграф, 2009. 424 с.
23. **Fischer L.** The Life of Lenin. L.: Overseas Publications Interchange, Ltd., 1970. 980 p.

24. **John M. C.** Breaking the Heart of the World: Woodrow Wilson and the Fight for the League of Nations. N. Y.: Cambridge University Press, 2001. 456 p.
25. **John M. C.** Woodrow Wilson: A Biography. N. Y.: Vintage, 2009. 702 p.
26. **Keegan J.** The First World War: An Illustrated History. L.: Hutchinson, 1998. 500 p.
27. **President Woodrow Wilson's Fourteen Points (8 January, 1918)** [Электронный ресурс]. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/wilson14.asp (дата обращения: 25.08.2017).
28. **Richard B. Speed III.** Prisoners, Diplomats and the Great War: A Study in the Diplomacy of Captivity. N. Y.: Greenwood Press, 1990. 244 p.
29. **Stevenson D.** The First World War and International Politics. Oxford – N. Y.: Oxford University Press, 1988. 392 p.
30. **Willmott H. P.** World War I. N. Y.: Dorling Kindersley, 2003. 319 p.
31. **Zeman Z. A.** A Diplomatic History of the First World War. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1971. 290 p.

**THE GREAT UPHEAVALS OF 1917 IN RUSSIA:
FOREIGN POLICY IMPLICATIONS AND NEW INTERNATIONAL REALIAS**

Avakova Elina Borisovna, Ph. D. in Sociology
Goncharenko Lev Nikolaevich, Doctor in History, Professor
Saint-Petersburg State University of Economics
elina_avakova@mail.ru; lngksp@rambler.ru

The purpose of this work is to consider the consequences of events that took place in 1917 in Russia, which influenced the foreign policy of the Russian state, and also determined relations of the Quadruple Alliance countries and the Entente Allies with Russia from the point of view of the priority of Russia's state interests. The scientific novelty of the study is that on the basis of the analysis of the content of legislative acts, secret documents of the Ministry of Foreign Affairs, as well as of a number of peace treaties and agreements concluded at the intergovernmental level by the representatives of Soviet Russia, the authors reveal the prerequisites for military intervention in Russia, the circumstances of its exclusion from the winning countries in the First World War, as well as the preconditions for the Civil War.

Key words and phrases: Russia; 1917; World War I; revolution; foreign policy; international relations; internal political situation; state interests.

УДК 16; 122/129

Философские науки

В статье рассматривается проблема «культурологического поворота» в отечественной гуманитарной науке. Особое внимание уделяется ситуации и научно-практическим последствиям «замещения» методологии исследования и понятийного аппарата, сложившихся в отечественной научной школе, западными. В условиях, когда в исследовательской практике культуролог сталкивается с реально существующими «методологическим плюрализмом» и понятийным «анархизмом», культурологическое сообщество вправе ставить проблему «методологической травмы». Вытекающая из «методологической терпимости», методологическая травма культуролога становится одной из причин культурной травмы, переживаемой российским обществом в условиях переходности.

Ключевые слова и фразы: культурологический поворот; методологический плюрализм; понятийный анархизм; культурная травма; переписывание истории.

Антонова Елена Леонидовна, к. филос. н.
Белгородский государственный институт искусств и культуры
E-pi-fan@yandex.ru

Антонов Евгений Алексеевич, д. филос. н., профессор
Таранова Александра Евгеньевна, к. соц. н.
Белгородский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И. Д. Путилина
e.antonov031@yandex.ru; taranova.bsu@yandex.ru

Туркина Виктория Григорьевна, к. филос. н., доцент
Белгородский государственный институт искусств и культуры
veni_vedi_vika@yandex.ru

КУЛЬТУРОЛОГИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ КУЛЬТУРОЛОГА

Принимая во внимание, что в каждую переходную эпоху складывается своя система знания, или «эпистема» (М. Фуко), можно понять, почему уже в первой трети XX столетия, связанного с революционными – мировоззренческими, идеологическими и социальными – трансформациями, начинает остро ощущаться потребность в «культурологической» рефлексии, удовлетворить которую пытаются путем создания новых «инструментов» познания культуры, поиск которых продолжается вплоть до начала 90-х гг. XX столетия. А поскольку